

А. А. Меджевский

Сибирский университет потребительской кооперации
пр. К. Маркса, 26, Новосибирск, 630078, Россия
E-mail: criminal@sibupk.nsk.ru

ПРЕДЕЛЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ КРИМИНАЛИСТИКИ

Теория и практика борьбы с экономическими преступлениями приводят нас к выводу о том, что уголовно-правовая охрана (защита) экономических отношений ассоциируется с понятием уголовной ответственности за девиантное экономическое поведение. Как отмечает в этой связи И. В. Шишко, вполне естественным становится возникновение понятия «хозяйственный правопорядок», предполагающий, во-первых, отраслевое регулирование экономической деятельности, во-вторых, государственную защиту установленных экономических норм (правил) от неправомерного поведения. Первое реализуется посредством формирования и функционирования экономического регулятивного законодательства, второе предполагает установление систем ограничений, запретов и санкций, в том числе и уголовно-правового характера. Однако нормы УК РФ обусловлены не фактическими экономическими отношениями, а регулируемыми их нормами (экономическими. – А. М.) права [28. С. 15–45].

Поскольку совершаемые правонарушения характеризуются различной степенью общественной опасности, деление юридической ответственности принято классифицировать по отраслевому признаку. В литературе по данному поводу существуют различные подходы [8; 20; 25]. Обратим внимание только на те из них, которые представляются нам более близкими по содержанию.

Например, С. Г. Келина полагает, что дифференциация заключается в разработке на уровне закона такого разнообразия мер уго-

ловно-правового характера, которое в наибольшей мере соответствовало бы разнообразию типов преступлений и лиц, их совершивших [9. С. 69]. Сходной точки зрения применительно к правонарушениям в целом придерживаются, в частности, Ю. Б. Мельникова [15. С. 17] и П. В. Коробов [11. С. 3]. Говоря об основаниях дифференциации и индивидуализации ответственности, следует сослаться на мнение Т. А. Лесниевски-Кустаревой о том, что основанием дифференциации уголовной ответственности являются типовая степень общественной опасности содеянного и типовая степень опасности лица, совершившего преступление [12. С. 45].

Развивая эти идеи, И. А. Тарханов подчеркивает, что задача правоприменителя при индивидуализации заключается не только в том, чтобы получить реальное представление о фактически содеянном и индивидуальных чертах и особенностях личности конкретного преступника, но и выявить в имеющемся фактическом материале юридически значимые (подлежащие сопоставлению с законом) признаки и свойства содеянного и личности деятеля на предмет их соответствия типовой степени общественной опасности преступления и типу личности преступника, обозначенных в соответствующей норме уголовного права [23. С. 257].

Виды охраняемых уголовным законом экономических отношений и пределы отклонения от установленных экономическим правом процедур осуществления различных видов экономической деятельности, за которыми

следует уголовная ответственность, должны быть четко описаны. При этом роль уголовной политики в регулировании рыночных отношений, как особо отмечает Т. В. Пинкевич, должна заключаться:

- в определении границ правового регулирования;
- в уголовно-правовом регулировании общественных отношений в сфере экономической деятельности;
- в реализации уголовной политики, направленной на повышение эффективности уголовно-правовых мер борьбы с экономической преступностью [19. С. 126–127].

Между тем И. В. Москаленок справедливо подчеркивает, что здесь налицо достаточно сложная проблема – проблема дефинитивного оформления социально вредных явлений в сфере экономических отношений, обусловленная различными факторами [17. С. 12–15]. В этой связи укажем, что объективные причины сложности регулятивного законодательства в сфере экономической деятельности обуславливают и объективные сложности описания нарушений его требований в уголовно-правовых нормах. Например, согласно исследованию Российского союза промышленников и предпринимателей в начале XXI в. различные виды экономической деятельности представителей среднего и малого бизнеса регулировались более чем 30 000 нормативно-правовыми актами [10]. И меньше их не стало. К этому следует добавить локальные правовые акты органов местного самоуправления и субъектов РФ, корпоративные нормативные акты, договоры и т. д.

Достаточно неоднозначна позиция ученых-юристов и по поводу правового регулирования рассматриваемых отношений. Например, А. П. Горелов в этой связи подчеркивает, что есть сторонники включения норм уголовного права в сферу правового регулирования предпринимательской деятельности, есть и противники [5. С. 44–47]. Однако анализ статей VIII раздела УК РФ свидетельствует о том, что подавляющая часть диспозиций носит ярко выраженный бланкетный характер. Наиболее удачное, по-нашему мнению, ее понятие предложено И. В. Шишко, которая в качестве бланкетной называет диспозицию, в которой все или часть признаков состава преступления описаны как обобщающие признаки, признаки-понятия, либо обобщающие признаки-понятия, если в них непосредственно заключена

связь уголовного права с иными отраслями, к которым и следует обращаться для уяснения указанных признаков [28. С. 63]. Связь бланкетных норм с регулятивными нормами обуславливает и непосредственную криминализацию, а в случае придания обратной силы акту, улучшающему положение участников регулятивных общественных отношений, и декриминализацию деяний вследствие изменения не уголовно-правовых, а иноотраслевых норм [28. С. 99–100]. В целом аналогичной позиции по рассматриваемому вопросу придерживается, например, А. Э. Жалинский [7. С. 48]. Сходная точка зрения высказана также и В. С. Устиновым, который особо подчеркнул, что разное понимание одних и тех же категорий и терминов в уголовном законодательстве и в других отраслях права недопустимо, ибо тем самым нарушаются принципы системности, единства языка законодательства, которые могут повлечь вредные последствия для правоохраняемых ценностей [26. С. 207].

Однако, как замечает в этой связи С. А. Складрук, бланкетность диспозиций существенно осложняет раскрытие содержания состава преступления в сфере экономической деятельности, так как требует глубокого и всестороннего анализа многочисленных норм гражданского законодательства и других нормативных актов и вызывает значительные трудности при применении соответствующих норм в следственной и судебной практике. Вместе с тем нельзя отказываться от бланкетных диспозиций, поскольку их применение в конструкции состава преступления позволяет сделать уголовный закон, с одной стороны, более гибким, а с другой – повысить его стабильность [21. С. 154].

Следующей важной, на наш взгляд, проблемой является определение критериев (принципов) отнесения девиантного экономического поведения к числу уголовно-наказуемых. Профессор Б. В. Волженкин, как нам представляется, наиболее полно раскрывает позицию законодателя в обозначенном направлении. Он, в частности, отмечает, что в качестве критериев криминализации экономических правонарушений, их криминообразующих признаков УК РФ 1996 г., отказавшись от конструирования составов с административной преюдицией, чаще всего использует:

- характер причиненного последствия.
- В ряде составов гл. 22 УК обязательным условием наступления уголовной ответствен-

ности является причинение крупного ущерба, либо значительного ущерба, либо тяжких последствий;

– размеры (размах, масштаб) правонарушающей экономической деятельности;

– способ действия – обман, подкуп, угрозы, сговор;

– мотивация, корыстная или иная личная заинтересованность или особая цель деятельности [4. С. 93].

В рассматриваемом контексте приведем достаточно интересную в научно-практическом плане точку зрения Т. А. Гусевой и С. А. Васинева. Они, в частности, отмечают, что криминализация действий, описанных в ст. 171-1 УК РФ, была вызвана рядом обстоятельств, которые имеют экономическую основу либо тесно с ней связаны. Как минимум, можно выделить три таких обстоятельства: стремление государства увеличить количество денежных поступлений от производства и реализации продукции и товаров, подлежащих обложению акцизными сборами; упорядочение деятельности производителей и продавцов подакцизных товаров, расширение легального сектора экономики; обеспечение безопасности потребителей товарной продукции (прежде всего алкогольной) [6. С. 63–64].

К числу рассматриваемых проблем следует также отнести проблему классификации (систематизации) экономических преступлений. Законодатель специально выделил в действующем УК РФ VIII раздел гл. 3 «Преступления в сфере экономики». Однако практически подавляющая часть ученых-юристов, занимающихся данной проблематикой, вполне обоснованно подвергают критике сложившееся положение вещей и, несмотря на известную условность всякой классификации, в той или иной степени пытаются каким-то образом придать некоторую «иерархию» и «стройность» уголовно-правовым ценностям экономического свойства с учетом собственных (авторских) критериев. В связи с ограниченным объемом настоящей работы сошлемся на уже упоминавшийся труд Б. В. Волженкина, в котором автор достаточно подробно проанализировал имеющиеся по данному вопросу различные точки зрения [4. С. 80–89] и вынес на суд читателя оригинальную, на наш взгляд, позицию, сгруппировав преступления в сфере экономической деятельности, указав, однако, в скобках, что под последними им понимаются преступления против по-

рядка осуществления предпринимательской и иной экономической деятельности. Приведем ее в сокращенном виде.

1. Преступления, нарушающие общие принципы установленного порядка осуществления предпринимательской и иной экономической деятельности.

2. Преступления против кредиторов.

3. Преступления, нарушающие отношения добросовестной конкуренции.

4. Преступления, нарушающие порядок обращения денег и ценных бумаг.

5. Преступления против порядка внешнеэкономической деятельности.

6. Преступления против порядка обращения валютных ценностей.

7. Преступления против порядка уплаты налогов и страховых взносов в государственные внебюджетные фонды.

8. Преступления против прав и интересов потребителей [4. С. 89–92].

Достаточно схожее с выше изложенным, но все же оригинальное мнение в этой связи высказано, например, Т. В. Пинкевич, которая в качестве критериев классификации предлагает экономические отношения, которые регулируются другими отраслями (подотраслями) права [19. С. 149]. Для подтверждения несостоятельности подобного подхода достаточно указать на два обстоятельства: банковская деятельность имеет своей целью получение прибыли (а это цель предпринимательской деятельности); она регулируется различными отраслями права (например, налогового). Весьма своеобразна классификация, предложенная Л. В. Бертовским. Он, в частности, делит экономические преступления на две большие группы: преступления, связанные с разрешенной экономической деятельностью; связанные с запрещенной экономической деятельностью в сфере производства и оборота товаров. Соответственно он выделяет две категории субъектов экономической деятельности: надлежащие и ненадлежащие (иные) хозяйствующие субъекты [3. С. 37–39].

В зависимости от охраняемых законом экономических отношений, вполне закономерно можно выделить следующие экономические преступления, которые нарушают установленные правила экономической деятельности:

– между государством и субъектами экономической деятельности;

– между корпорациями (предприятиями);

– внутрикорпоративные;

– между юридическими и физическими лицами;

– между физическими лицами.

Автор вполне осознает тот факт, что любая классификация, в том числе и предлагаемая, является условной. Например, четко «рассыпать» все статьи VIII раздела УК РФ по видам охраняемых отношений, масштабу и целям криминальной экономической деятельности не удастся. Вместе с тем в пользу предложенного и имеющего право на существование подхода относительно указанной выше классификации сошлемся на данное Т. В. Пинкевич определение экономической преступности, под которой она понимает общественно опасное, сложное, системное, многогранное, социальное, уголовно-правовое явление, взаимообусловленное особенностями социальной среды, характеризующееся наличием устойчивых преступных связей, возникающих в процессе экономической деятельности между *субъектами экономических отношений* (курсив наш. – А. М.), имеющих корыстную или иную личную заинтересованность в получении противоправной экономической выгоды [19. С. 77].

Одной из проблем современной правоприменительной практики, как указывает Э. С. Мурадов, является проблема наполнения предметным содержанием формы вины при совершении преступлений в сфере экономики [18. С. 71–72]. Рассматривая указанный выше вопрос, С. Е. Метелев и Т. Б. Кувалдина, например, отмечают, что установить форму вины отдельных должностных лиц очень сложно, особенно по делам о налоговых преступлениях, поскольку Конституционный Суд РФ подтвердил право фирм прибегать к законным способам минимизации налогообложения. Нарушение иных норм права (правил, инструкций и т. д.), кроме налоговых законов, не влечет за собой уголовной ответственности [16. С. 70]. Вместе с тем, анализируя правовые проблемы профилактики налоговых преступлений, М. В. Абанин обратил внимание на тот факт, что в ряде случаев государственные и судебные органы напрямую попустительствуют злоупотреблениям законодателей, когда, фиксируя неконституционность того или иного закона, они его либо вовремя не отменяют, либо умалчивают о принятом судебном решении, не публикуя его в средствах массовой информации [1. С. 71–77].

Поэтому ответ на вопрос о наличии либо отсутствии в деянии признаков соответству-

ющего «экономического» состава правонарушения следует искать не только в анализе самих регулятивных экономических норм. При этом решение вопроса о том, к каким нормативно-правовым актам нужно обращаться при толковании бланкетных признаков составов преступлений, зависит исключительно от компетенции органа власти и управления соответствующей иерархии в части регулирования общественных отношений. Мы полагаем, что указанное явление можно охарактеризовать как конкуренцию между источниками регулятивного права применительно к их уровню и интерпретируемых к отдельным (а не всем) составам уголовно наказуемых экономических правонарушений.

Специфика отношений в сфере экономики предполагает ответственность субъектов за неправомерные деяния, в связи с чем нужна законодательная корректировка понятия вины в рассматриваемом контексте ибо количество регулятивных норм достаточно велико, а преступления в сфере экономики совершаются, как правило, с прямым умыслом, предполагающим наличие у субъекта правонарушения не только соответствующих предметных отраслевых знаний и особенностей регулирования экономических отношений, но и имеющихся там дозволений, ограничений и запретов.

Заслуживающим внимания обстоятельством является также конкуренция норм уголовного права между собой, а также конкуренция норм уголовного права с нормами права административного. Суть проблемы зададим следующими двумя основными положениями: во-первых, уголовный закон, определяя правила разрешения правовых коллизий при наличии общей и специальной нормы (применяется норма специальная) и смежных составов преступлений, в ряде случаев нечетко дает различия между криминообразующими признаками; во-вторых, в отраслях права «криминальной» направленности отсутствуют четкие критерии перерастания одного вида правоотношения в другое (уголовно-правового в административно-правовое и наоборот) [24. С. 37–41].

Достаточно важной уголовно-правовой проблемой является неоднозначность толкований предмета преступного посягательства, особенно специального. На данное обстоятельство указывает, в частности А. В. Мамченко, проводя сравнительный анализ понятий, указан-

ных в нормах уголовного и регулятивного права применительно к иностранной валюте как предмету преступления по ст. 193 УК РФ [13. С. 76–80]. Ряд особенностей применительно к борьбе с преступлениями в сфере внешне-экономической деятельности подметил, например, В. Н. Андрианов. К числу таковых им отнесена и роль законодательства иностранных государств, определяющих характер правоспособности иностранного лица – участника ВЭД и влияющих на процедуру сбора доказательств. Названы им также проблемы и криминалистического порядка. Проведенный автором анализ уголовных дел показал, что практически все они расследовались в отношении «овеществленных» предметов. Крайне незначительное количество уголовных дел о контрабанде информации, технологий, услуг, различных видов энергии можно объяснить как объективными сложностями процесса доказывания, так и серьезными затруднениями практиков в выявлении этих посягательств, а также полным отсутствием методических рекомендаций по расследованию преступлений, связанных с перемещением через таможенную границу «неовеществленных» предметов [2. С. 74–75].

К числу «овеществленных» предметов относится продукция, которая в разных источниках толкуется как контрафактная или фальсифицированная. Рассматривая вопросы борьбы с названными преступлениями и анализируя соотношение этих понятий, Л. Е. Чапкевич, в частности, вполне справедливо отмечает, что контрафактная продукция всегда одновременно будет являться и фальсифицированной, а фальсифицированная продукция (не соответствующая представленной о ней информации, с заведомо измененным составом) может не являться контрафактной [27. С. 21].

Проведенное автором специальное исследование уголовно-правовой характеристики преступлений в сфере выделения и получения кредита, а также злостного уклонения от его погашения показало, что законодатель не дает определения понятий «хозяйственное положение» и «финансовое состояние». Экономико-правовое единообразие при осуществлении кредитных операций отсутствует, поскольку каждый банк (кредитная организация) разрабатывает собственный меморандум о кредитной политике. Не все действия злоумышленников с кредитны-

ми ресурсами можно квалифицировать по ст. 176 УК РФ. Сопоставление этого вида преступления с мошенничеством показывает, что они сходны по объективной стороне состава, а различия – в субъективной стороне. Если при незаконном получении кредита виновный не преследует цели безвозмездного изъятия, а его первоначальные намерения заключаются только в пользовании указанными средствами для удовлетворения нужд организации, то при мошенничестве правонарушитель вообще не собирается возвращать полученный кредит. К числу сопутствующих видов преступлений относятся похищение либо подделка документов (ст. 325, 327 УК РФ). Отметим, что из 73 изученных дел было возбуждено: по незаконному получению кредита – 1, злостному уклонению от его погашения – 4, мошенничеству – 68 [14. С. 22–28]. Таким образом, можно констатировать, что диспозиция ст. 176 УК РФ фактически «не работает».

Весьма существенными для теории и практики борьбы с экономическими правонарушениями являются минимальные пороговые значения размера и ущерба, причиненных преступлениями в сфере экономики. Укажем в этой связи на формулировку примечания к ст. 199 УК РФ, в которой говорится, что крупным размером в настоящей статье, а также в ст. 199.1 настоящего Кодекса признается сумма налогов и (или) сборов, составляющая за период в пределах трех финансовых лет подряд более 500 тыс. руб., при условии, что доля неуплаченных налогов и (или) сборов превышает 10 % подлежащих уплате сумм налогов и (или) сборов, либо превышающая 1 млн 500 тыс. руб., а особо крупным размером – сумма, составляющая за период в пределах трех финансовых лет подряд более 2 млн 500 тыс. руб., при условии, что доля неуплаченных налогов и (или) сборов превышает 20 % подлежащих уплате сумм налогов и (или) сборов, либо превышающая 7 млн 500 тыс. руб.

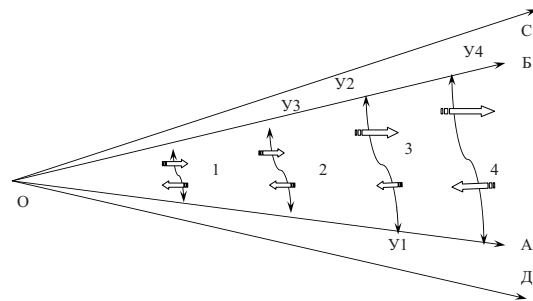
Это означает, что в случае неуплаты налога в сумме 500 тыс. руб. для квалификации преступления по ч. 1 ст. 199 УК РФ общая сумма налогов должна составлять более 5 млн руб. (доля более 10 %). Если же эта сумма равна, например, 8 млн руб. при недоимке более 500 тыс. руб., но менее 800 тыс. руб., то уголовная ответственность не наступит (доля от 6,25 до 10 %). При этом возникает стои-

мостной вакуум между расчетной (не дотягивающей до отметки более 10 %) и минимально фиксированной – более 1,5 млн руб. Законодатель, сам того не подозревая (?), четко обозначил рамки уголовно-правовой ответственности. Можно констатировать, что административная ответственность может наступать не только в случае неуплаты налогов на сумму менее 500 тыс. руб., но и тогда, когда этот стоимостной порог недоимки преодолен.

В рассматриваемом контексте необходимо также обратиться к оценочным показателям, используемым в действующем УК РФ. Как отмечает, например, в этой связи Н. В. Соколова, значительный ущерб – сугубо оценочный признак: он никак не формализован в законе, и именно это не способствует единообразному применению его, а также стабильности судебно-следственной практики при квалификации хищений с этим признаком. Высшим судебным инстанциям пока не удалось выработать надежные критерии оценки причинения потерпевшему имущественного ущерба в качестве именно «значительного» ввиду зыбкости его количественных параметров и многофакторности слагаемых элементов. Ее предложения об изложении квалифицирующих признаков размера хищений как совершение хищений с причинением ущерба в значительном размере, крупном размере и особо крупном размере [22. С. 15] заслуживают не только одобрения и поддержки, но и корректного использования применительно к иным составам уголовно наказуемых экономических правонарушений. Укажем и на тот факт, что значительная часть составов уголовно наказуемых деяний, описанных в гл. 26, 28, 30, 32, имеет прямое либо косвенное отношение к преступным нарушениям правил экономической деятельности. Мы солидарны в этой связи с Л. В. Бертовским, который уделил этому большое внимание в рамках специально проведенного им исследования [3]. В завершение изложения вопросов о пределах уголовно-правовой охраны экономики от незаконных посягательств применительно к степени их общественной опасности проиллюстрируем сложившееся положение вещей *принципиальной схемой видов девиантного экономического поведения*.

В схеме ось ОА обозначает регулируемую экономическую деятельность; ось ОБ – от-

клонения от регулируемой экономической деятельности; угловой градус БОА – все виды девиантного экономического поведения; дуговые градусы 1, 2, 3, 4 – зоны социально вредного экономического поведения в зависимости от степени общественной опасности и виды ответственности (гражданско-правовая, дисциплинарная, административная, уголовная); дуговой градус У1–У2 – количественные показатели размера; отрезок У3–У4 – оценочные показатели причиненного ущерба; \leftrightarrow – поля перехода (разграничения) видов ответственности; угловой градус СОБ – зону неохраняемого экономического поведения; угловой градус АОД – зону нерегулируемого экономического поведения.

В этой связи вполне закономерно напрашиваются следующие основные выводы.

1. Уголовно-правовая защита экономических отношений является одним из важных направлений государственно-правовой охраны экономики от противоправных посягательств.

2. Объектом уголовно-правовой охраны является экономическая деятельность между субъектами ее осуществления.

3. Имеет место отраслевая (уголовно-правовая) и межотраслевая (уголовное и административное право) конкуренция норм права.

4. Четкие границы «полей перехода» одного вида ответственности в другой не определены.

5. Подавляющая часть норм УК РФ, предусматривающих уголовную ответственность за экономические преступления, являются бланкетными.

6. Единого понятийного аппарата в части описания вида, объекта, субъекта и предмета экономической деятельности в нормах регулятивного и уголовного права нет.

7. Криминообразующие признаки девиантного экономического поведения разнородны, их дефинитивные описания в действующем уголовном законодательстве некорректны.

8. Единый принцип систематизации преступлений, указанных в разделе VIII «Преступления в сфере экономики», не определен. Некоторые составы преступлений экономической направленности в нем отсутствуют.

9. Можно выделить следующие основные виды отклонений от позитивного экономического поведения:

– по наступившим последствиям: по форме (формальные составы); по содержанию (материальные составы);

– по доминирующей единице уголовно-правовой защиты: по объекту; по субъекту; по предмету.

10. Смысл и суть экономико-правового анализа должны заключаться в примерке «уголовно-правового костюма» (УК РФ) на «криминальное тело» хозяйственного механизма (далее – КТХМ). Исследование позволило выделить в этой связи два вида зависимостей:

а) отсутствие связей между КТХМ и нормами уголовного права. Здесь возможны три ситуации:

– отсутствие КТХМ при наличии норм УК;

– отсутствие норм УК при наличии потенциального КТХМ;

– отсутствие КТХМ и отсутствие норм УК;

б) наличие связей между КТХМ и нормами УК РФ. При этом также возможны три ситуации:

– совпадение КТХМ и нормы УК (соответствие);

– КТХМ больше «уголовно-правового костюма» (виды деятельности не защищены, так как уголовно-правовые нормы не «накрывают» новых экономико-правовых реалий);

– КТХМ меньше «уголовно-правового костюма» (конструктивно-регулятивные нормы «уже» уголовно-правовых).

11. С позиции предпринятого исследования в идеале УК РФ должен представлять собой уголовную экономико-правовую «калибровочную таблицу» (справочник), призванную быть использованной при измерении, квалификации и назначении наказания конкретному лицу за допущенные отклонения от предписанной (правом) процедуры экономической деятельности.

12. Отсутствие унифицированных подходов при описании уголовно-наказуемых деяний экономического характера с необходимостью влечет за собой формирование собственно

криминалистических моделей преступной экономической деятельности, востребованных в практике их выявления и доказывания.

Список литературы

1. *Абанин М. В.* Конституционное и арбитражное судопроизводство в системе предупреждения налоговых правонарушений и преступлений (на примере специальных налоговых режимов) // *Право и экономика.* 2005. № 6.

2. *Андреанов В. Н.* О некоторых особенностях преступлений в сфере внешнеэкономической деятельности // *Право и экономика.* 2003. № 6.

3. *Бертовский Л. В.* Проблемы теории и практики выявления и расследования преступных нарушений правил экономической деятельности: Дис. ... д-ра юрид. наук. М. 2005.

4. *Волженкин Б. В.* Преступления в сфере экономической деятельности (экономические преступления). СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002.

5. *Горелов А. П.* Недостатки уголовно-правового регулирования предпринимательской деятельности // *Законодательство и экономика.* 2003. № 12.

6. *Гусева Т. А., Васинев С. А.* Товары и продукция без маркировки // *Право и экономика.* 2003. № 5.

7. *Жалинский А. Э.* О соотношении уголовного и гражданского права в сфере экономики // *Государство и право.* 1999. № 12.

8. *Звечаровский И. Э.* Уголовная ответственность. Иркутск, 1992.

9. *Келина С. Г.* Некоторые направления совершенствования уголовного законодательства // *Сов. государство и право.* 1987. № 5.

10. *Коммерсантъ.* 2001. 24 нояб.

11. *Коробов П. В.* Понятие дифференциации уголовной ответственности // *Дифференциация формы и содержания в уголовном судопроизводстве.* Ярославль, 1995.

12. *Лесниевски-Кустарева Т. А.* Дифференциация уголовной ответственности: Теория и законодательная практика. М.: Норма, 1998.

13. *Мамченко А. В.* Иностранная валюта как предмет преступления по ст. 193 УК РФ // *Право и экономика.* 2003. № 6.

14. *Меджевский А. А.* Методика расследования незаконных операций в сфере выделе-

ния и получения кредита, а также злостного уклонения от его погашения с использованием экономических знаний: Учеб. пособие. Н. Новгород: Волж. отд-ние ГУ «ВНИИ МВД РФ». 2000.

15. Мельникова Ю. Б. Дифференциация ответственности и индивидуализация наказания. Красноярск, 1989.

16. Метелев С. Е., Кувалдина Т. Б. Налоговая и уголовная ответственность за налоговые правонарушения: правовые и бухгалтерские аспекты // Закон и право. 2005. № 8.

17. Москаленок И. В. Проблемы дефинитивного оформления социально вредных явлений в сфере экономических отношений // Законодательство и экономика. 2004. № 12.

18. Мурадов Э. С. Вопросы субъективной стороны преступлений в сфере экономической деятельности // Законодательство и экономика. 2004. № 5.

19. Пинкевич Т. В. Криминологические и уголовно-правовые основы борьбы с экономической преступностью: Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2002.

20. Прохоров В. С. Преступление и ответственность. Л., 1984.

21. Склярук С. А. Уголовная ответственность за незаконное использование товарного знака: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999.

22. Соколова Н. В. Теоретико-прикладные вопросы учета размера ущерба при квалификации хищений и назначении наказаний:

Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2006.

23. Тарханов И. А. Поощрение позитивного поведения и его реализация в уголовном праве (вопросы теории, нормотворчества и правоприменения): Дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2002.

24. Тихон В. Е. Некоторые спорные вопросы, возникающие при квалификации преступлений в сфере экономики // Преемственность и новации в юридической науке: Материалы науч. конф. адъюнктов и соискателей. Омск: Омская академия МВД России. 2005. Вып. 1.

25. Уголовное право России: Учеб. / Под ред. М. П. Журавлева, А. В. Наумова и др.: 4-е изд., перераб. и доп. М.: ТК Велби; Проспект, 2003. Ч. Общая; Особенная.

26. Устинов В. С. Техника конструирования дефиниций в уголовном законодательстве // Законодательная техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: Сб. ст. / Под ред. В. М. Баранова. Н. Новгород. 2001. Т. 11.

27. Чапкевич Л. Е. Контрафактная и фальсифицированная продукция: проблемы и пути их решения // Право и экономика. 2005. № 6.

28. Шишко И. В. Экономические правонарушения: Вопросы юридической оценки ответственности. СПб.: Юрид. центр Пресс. 2004.

Материал принят в печать 09.11.2006